

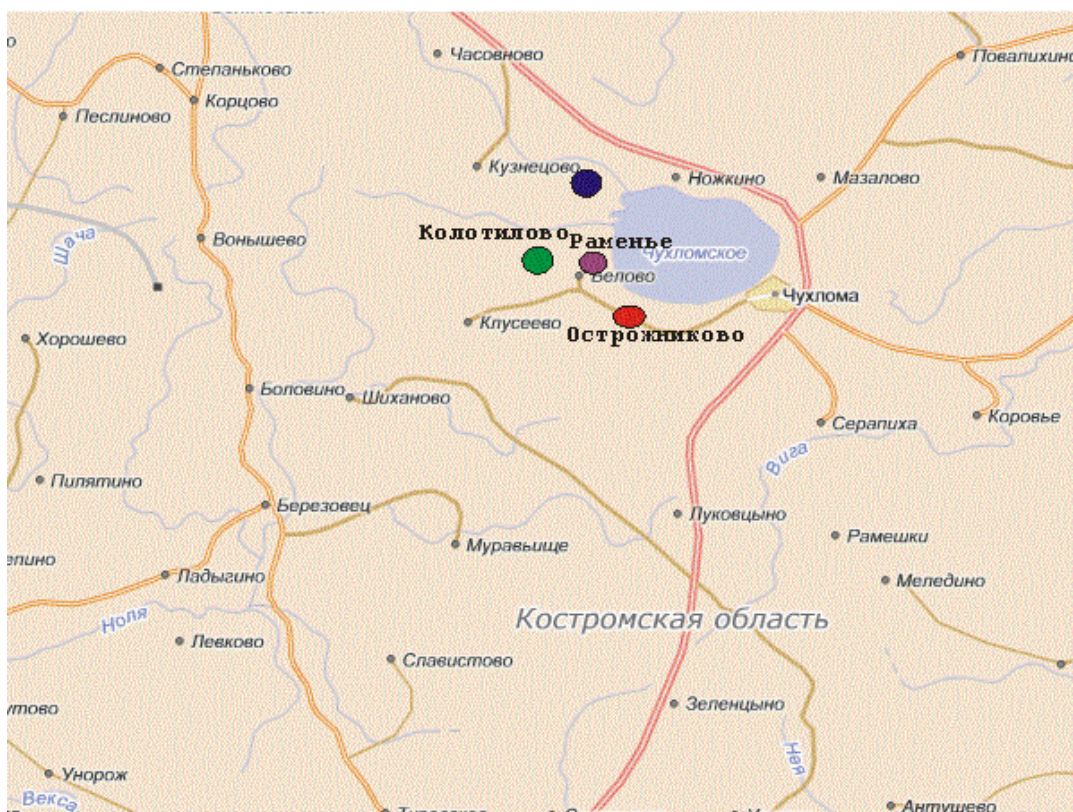
Лермонтовы – современники Поэта.

Михаил Юрьевич Лермонтов.
Автопортрет, 1837-1838 г.г.

Это произведение задумано как эссе. Оно написано на основании документальных материалов и поэтому является исторически достоверным. Повествование ведется от лица родственников поэта Михаила Юрьевича Лермонтова со стороны его отца Лермонтова Юрия Петровича. Михаил Юрьевич Лермонтов воспитывался в семье бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, в девичестве Столыпина. Поэт, по видимому, практически не знал своих многочисленных и родовитых родственников со стороны своего отца. В силу этих причин они не были осведомлены о родстве с поэтом и не могли принять участия в его судьбе, пользуясь своим влиянием в окружении монарха и в высшем свете, и таким образом, оказать помощь Михаилу Юрьевичу в обстоятельствах, приведших к гибели поэта.

Одним из таких родственников был Александр Андреевич Катенин (1803-1860 – сын Ирины Юрьевны Лермонтовой и Андрея Федоровича Катенина. Андрей Федорович Катенин всю жизнь прожил в имении Клусеево и был соседом Колотилоских и Острожниковских ветвей Лермонтовых.

Карта Костромской области с указанием местоположения имений Катенина и Лермонтовых: Клусеево, Колотилово, Острожниково.

Александр Андреевич Катенин родился в 1803 году в имении Клусеево. Образование получил в Горном кадетском корпусе, из которого в 1818 году поступил подпрапорщиком в лейб-гвардии Преображенский полк. Участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 годов, в усмирении польского мятежа в 1831 году. За штурм Варшавы награждён орденом Св. Владимира IV степени с бантом. В 1832 году произведён в капитаны. В 1835 году в жизни Александра Андреевича Катенина происходит знаменательное событие — на маневрах он обращает на себя внимание Николая I и назначается к нему флигель-адъютантом. Два года спустя Катенин уже полковник, ещё через два — комендант Императорской главной квартиры, а чуть позже — начальник штаба 1-го пехотного корпуса на Кавказе и за отличие в военных действиях против горцев награждается золотой шпагой. В 1842 году Катенин исправляет должность начальника штаба отдельного гренадёрского корпуса. Любимец императора Николая, всегдашний партнёр его за картами, Катенин, командуя Преображенским полком, умел так ловко представлять свою часть покойному царю, что полк этот постоянно оказывался лучше всех. В личном архиве Катенина сохранилось множество писем служебного характера, свидетельствующих о его тесном взаимодействии со многими высоко сановными особами при дворе Николая I.

Генераль-адъютантъ
А. А. Катенинъ.

См. т. XII, стр. 455.)

В сентябре 1842 года Александр Андреевич Катенин сочетался браком с фрейлиной двора Варварой Ивановной Вадковской (1821-1863). Вадковские принадлежали к прогрессивному дворянству, близкому к декабристам, были знакомы с Александром Сергеевичем Пушкиным, Карамзиными, Василием Андреевичем Жуковским, Вяземскими.

Перед свадьбой летом 1841 года между Варварой Ивановной Вадковской и Александром Андреевичем Катениным мог произойти такой разговор:

«Варвара Ивановна, я разделяю Вашу печаль по поводу гибели юного Лермонтова. Яркая и тонкая натура, но очень вздорная и задиристая. Ну, что за дело ему было до этого чванливого Мартынова?»

Александр Андреевич старался утешить свою впечатлительную невесту, на глазах которой то и дело появлялись слезы, как только кто-то из близких знакомых снова заводил речь о нелепой дуэли Михаила Юрьевича Лермонтова и Николая Соломоновича Мартынова, слухами о которой был наполнен петербургский свет. Варвара Ивановна Вадковская – фрейлина двора, не могла их избежать. В связи с ними в её юной, открытой любви душе постоянно рисовался образ пылкого юноши с необыкновенными карими глазами и строки страстных и горьких стихов, посвященных прекрасной Н.Ф.И., так непонятно предпочитавшей какого-то сомнительного Николая Обрескова юному поэту Лермонтову. Эту историю рассказывала ей тетя Екатерина

Федоровна Кривцова, в девичестве Вадковская. В 1825 году её муж Николай Иванович Кривцов служил гражданским губернатором в Воронеже. Екатерина Федоровна, будучи очень красивой и просвещенной женщиной, привлекала местное светское общество и на балы у губернатора собиралось много народа. Частыми гостями были офицеры Арзамасского полка, квартировавшие недалеко от Воронежа. Среди них и Николай Обрезков, приходившийся Владковским дальним родственником. После одного из таких балов из спальни Екатерины Федоровны пропали драгоценности на крупную сумму. Чуть позже они были случайно замечены у одного офицера и им оказался Николай Обрезков, который признался в совершенной краже. Военный суд лишил Обрескова чинов и дворянства и выписал его солдатом в другой полк. В семье Кривцовых - Вадковских эту историю могли бы забыть, если бы в 1836 году в высшем свете не появились слухи о том, что милейшая Наталья Федоровна Иванова (Н.Ф.И.), дочь драматурга Ф.Ф. Иванова, вышла замуж за Николая Михайловича Обрескова, того самого, и уехала в Курск по месту его службы. О Наталье Федоровне Ивановой рассказывали, что она была предметом страстного увлечения Мишеля Лермонтова в 1830-1832 годах, когда он проводил летние месяцы в Средниково под Москвой в усадьбе своего дяди Дмитрия Алексеевича Столыпина, а Ивановы были их соседями.

Лермонтов в Средниково. Подмосковные литературные места 1946 год. Под редакцией Владимира Бонч-Бруевича.
(<http://www.serednikovo.ru/partners/index.html>)

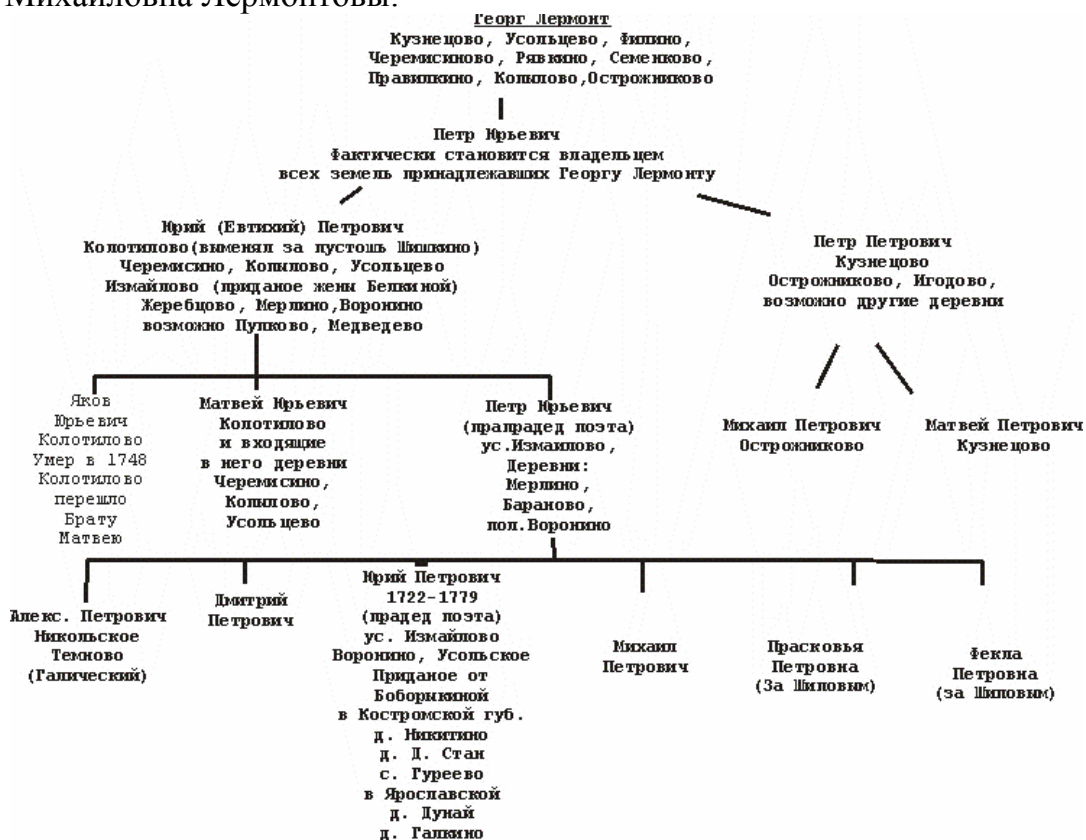
Все были уверены, что именно ей он посвятил цикл стихов и что она послужила причиной горького разочарования юного Лермонтова в женской верности.

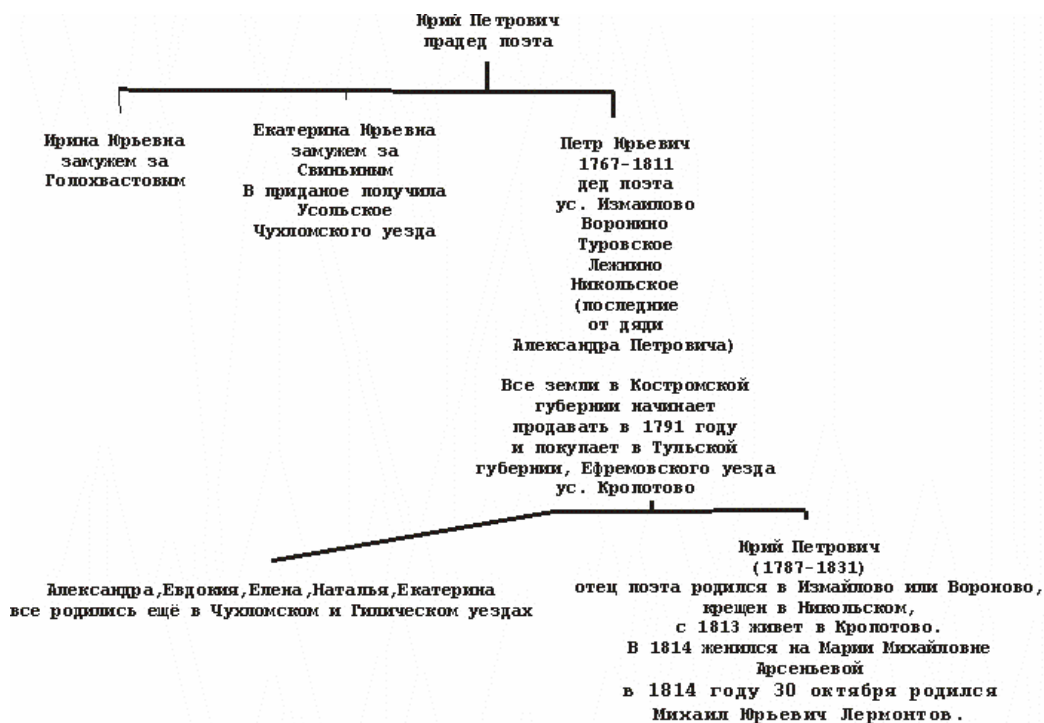
Варвара Ивановна Вадковская почти прошептала знакомые и ей строки:

Когда судьба тебя захочет обмануть
И мир печалить сердце станет —
Ты не забудь на этот лист взглянуть
И думай: тот, чья ныне страждет грудь,
Не опечалит, не обманет!

Какие трогательные и какие грустные стихи написаны восемнадцатилетним юношей. Разочарование в любви! Что он мог знать о любви и преданности в 18 лет? А, может быть, в этом возрасте мы всё воспринимаем так остро и возвышенно? Но ведь приятно иметь поклонника, способного тебе написать такие проникновенные строки. И вот ему 26 лет, а он уже убит на дуэли и по такому пустяковому поводу. Варвара Александровна подняла глаза на своего жениха. Александр Андреевич Катенин в 38 лет был в расцвете мужественной красоты и безусловно отличался внутренним благородством. Бравый офицер, прошел турецкую войну, отличился в польской компании в 1831 году и стал «бессменным ординарцем» великого князя Михаила Павловича, в 1835 году назначен флигель - адъютантом, а в 1837 году произведен в полковники, командовал лейб-гвардии Преображенским полком, а затем оставался в звании командира этого полка. (Впоследствии занимал должности губернатора Самарской и Оренбургской губерний, должность дежурного генерала Главного Штаба с правами товарища военного министра). Да, поистине послужной список достоин всяких похвал. Двдцатилетняя Варенька Вадковская гордилась своим женихом. Однако, её ум в настоящий момент занимал этот несчастный, нелепо застреленный поэт Михаил Лермонтов. «Александр Андреевич, а Вам доводилось встречаться с Лермонтовым? Ведь Вы, возможно, его родственник?» Вареньке очень хотелось узнать, какое отношение имеет Александр Андреевич к погибшему поэту. Он и сам не раз думал об этом. «Да, моя матушка Ирина Юрьевна, безвременно скончавшаяся в 1818 году, была урожденная Лермонтова – дочь Юрия Матвеевича Лермонтова. Лермонтовы и Катенины в 1800 годах были соседями по имениям в Чухломском уезде. Батюшка жил в Клусеево, а Лермонтовы в Колотилово. Позже в 1828 году мой двоюродный брат – Павел Александрович Катенин, приобрел Колотилово у брата моей матушки Ивана Юрьевича Лермонтова, не без козней и сутяжничества со стороны Лермонтова. Ему непременно хотелось получить с моего кузена двойную плату за имение. Но мы знали, что за Иваном Юрьевичем и ране замечались неблагоприятные поступки, так что приняли меры и дело разрешилось по справедливости. Благо матушка уже тогда не могла знать об этом неприятном деле. Но когда батюшка женился на моей матушке, семья Лермонтовых была большая, дружная и гостеприимная. Сестры матушки были замужем за соседними помещиками Турчановскими, Назимовыми, фон Дервизами, в родстве с

ними были Куприяновы, через тетю моей матери - Павлу Матвеевну Лермонтову. Все фамилии дворянского происхождения и не бедные. Совместные обеды, поездки, охота и игры со сверстниками составляли большую часть наших развлечений. Говорили, что Лермонтовы владели Колотиловым с давних времен. Мой прапрадед по линии матери Евтихий Петрович Лермонтов выменял пустошь Шишкино, доставшуюся ему от его деда Георга Лермонтова, выходца из Шотландии, на пустошь Колотилово где-то ещё в 1700 годах. А моя прапрабабка, жена Евтихия Петровича Лермонтова, урожденная Прасковья Михайловна Белкина, в качестве приданного внесла в семью Лермонтовых усадьбу Измайлово. Колотилово досталось моему прадеду Матвею Юрьевичу, а Измайлово - брату моего прадеда Петру Юрьевичу Лермонтову. Петр Юрьевич Лермонтов и был прапрадедом погибшего поэта – Михаила Юрьевича Лермонтова. Так что у нас с поэтом имеются общие предки Евтихий Петрович и Прасковья Михайловна Лермонтовы.

Отец поэта умер в 1831 году. Имение было оценено в 1836 году в 60 000 рублей.
К примеру Колотилово в 1823 году оценено в 25 000 рублей.

Лермонтовские владения со времен Георга Лермонтова.

Усадьбы Колотилово и Измайлово, хоть и недалеко друг от друга, около 60 верст, но я не помню, чтобы в детстве мне рассказывали о родственниках, выходцах из Измайлово. Это только теперь я могу вспомнить, что кажется именно из Измайловской усадьбы были отец и дед поэта. Я никогда не был представлен Михаилу Юрьевичу и следовательно не имел чести быть знаком в нем лично. Хотя я могу вспомнить один случай, когда наши пути пересеклись. В 1837 году, я сопровождал государя Императора Николая Павловича в его поездке на Кавказ. Я тогда был в чине полковника и флигель-адъютанта, таким образом по рангу находился в свите императора. Здесь же я узнал, что граф Бенкендорф по просьбе его давнишней знакомой Елизаветы Алексеевны Столыпина, бабушки поэта, намерен просить у государя помилование сосланному на Кавказ поэту Михаилу Лермонтову. Мне ещё тогда подумалось, что и я мог бы поддержать это прошения перед государем, являясь, видимо, родственником поэта и приближенным к царской семье. Обстоятельства ссылки Лермонтова на Кавказ мне были известны и я разделял мнение, что стихи на смерть Пушкина являются лишь благородным порывом талантливого молодого поэта, а не злым умыслом против самодержавия и аристократии, к которой он кстати сам принадлежал. 10 октября в Тифлисе состоялся Высочайший смотр четырьмя эскадронам Нижегородского драгунского полка.

Государь нашел полк в отличном виде. Это явилось благоприятным обстоятельством, чтобы Александр Христофорович Бенкендорф изложил своё прошение за Лермонтова перед государем. Государь уважил ходатайство Бенкендорфа и на другой же день был издан приказ о переводе Лермонтова в лейб-гвардии гусарский Гродненский полк корнетом. Меня эта новость порадовала, хотя я к решению государя отношения не имел, да и своему родственнику представлен не был.

Правда, в этой экспедиции мне удалось помочь своему двоюродному брату Павлу Александровичу Катенину, когда мне было поручено расследовать дело о злоупотреблениях в Эриванском карабинерном полку, расквартированном близ Тифлиса. Тогда три года назад в 1834 году этим полком командовал мой двоюродный брат - Павел Александрович Катенин, и корни злоупотреблений в этом полку уходили именно в годы его командования. Расследование прошло так, что имя полковника П.А. Катенина в деле не фигурировало. В 1838 году П.А. Катенина вновь уволили с военной службы, по-видимому за дела аналогичного свойства. Пришлось опять использовать своё влияние так, что Павел Александрович Катенин получил отставку с законным повышением по службе до чина генерал-майора. Влиятельные родственные связи очень полезны в нашей жизни *mon cher.*»

Александр Андреевич задумчиво походил по залу, как будто стараясь припомнить какие-нибудь еще истории из жизни Лермонтовских семейств. Ему смутно припомнилось, что матушка рассказывала будто в бытность её отца Юрия Матвеевича Лермонтова продолжалась тяжба за владение Колотиловым между Юрием Матвеевичем и семейством Шиповых из усадьбы Михайловское - Лесное, что к востоку от Чухломского озера. Хозяйкой усадьбы была Елизавета Михайловна Шипова, урожденная Лермонтова - дочь Михаила Михайловича Лермонтова из Острожниково. Помнилось, что матушка не была уверена в родстве её отца Юрия Матвеевича Лермонтова и Михаила Михайловича Лермонтова, или не хотела признавать такое родство, намекая, что Михаил Михайлович имел скверный характер, якобы оскорбил Ивана Григорьевича Черевина из усадьбы Нероново, достойнейшего человека, и даже долго судился с ним, не признавая своей вины. Ну, а Елизавета Михайловна Шипова - Лермонтова, славилась на весь Чухломской уезд не только своей величественной красотой и богатством, хозяйкой которого она стала, выйдя замуж за Федора Петровича Шипова, но ещё изворотливостью и крутостью характера, а также высокими связями в обеих столицах, где помнили отца её мужа – Петра Михайловича Шипова, сенатора, тайного советника, сподвижника Петра I и одного их строителей Петербурга, богатейшего человека своего времени.

Углубляясь всё более в воспоминаия Александр Андреевич начал осознавать, что в разговорах о трагически погибшем поэте Михаиле Юрьевиче Лермонтове не упоминаются имена хорошо известных в Петербурге многих Лермонтовых. Правда, он и сам не задумывался, что они могут быть и его родственниками. Кто же мог бы рассказать, например, о Лермонтовых из усадьбы Острожниково? Ответ напрашивался сам собой. Александр Андреевич давно собирался показать Варваре Ивановне свою усадьбу в Клушеево.

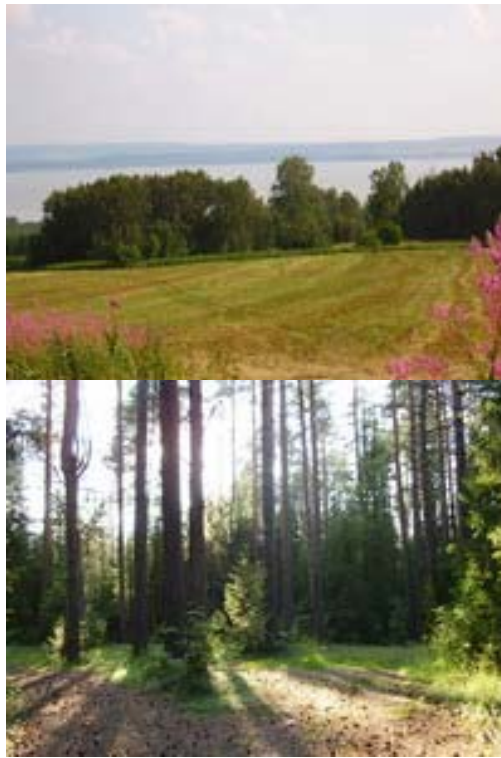

Клушеево Чухломского уезда. Господский дом. 1800 г.

Имение Клушеево.

(Григоров А.А. «Из истории Костромского Дворянства», 1993)

Сейчас, когда лето в самом разгаре, было бы очень неплохо туда съездить. Ведь ни Варенька, ни её прогрессивные родственники, один из которых был декабристом, не отстанут с расспросами о том, как это петербургские и другие Лермонтовские родственники не были знакомы с поэтом. Да, и Острожниково находится совсем рядом от Клушеево. Можно будет побеседовать с его обитателями. Около шестисот верст, если ехать через Москву, конечно долгий путь, но ведь можно навестить знакомых в Москве. Кроме того путешествие с любимой девушкой может доставить только удовольствие.

Виды по дороге в Чухломской уезд, один за другим, открываются такие, что забываешь и душный Петербург и суетливую Москву.

Острожниково встретило гостей доброжелательно. Его теперешний владелец Павел Петрович Лермонтов, отставной поручик лейб-гвардии Преображенского полка, ещё очень крепкий семидесятилетний старик, оказался гостеприимным хозяином и, как все пожилые люди, был рад поговорить о прошлом и о своей родне. И он, действительно, поведал много интересного об истории своего рода Лермонтовых. Его дед Михаил Михайлович Лермонтов, владелец Острожниково в 1750 годах, был хозяйственный помещик, но имел гордый и задиристый характер. Михаил Михайлович Лермонтов служил в Измайловском полку при Анне Иоанновне и Елизавете Петровне, в отставку ушел по болезням в чине прапорщика. Он всегда с гордостью говорил, что происходит от древнего дворянского Шотландского рода. Эта гордость и подводила его при общении с соседними помещиками. Все последующие поколения также гордились своим происхождением и бережно хранили в семье фамильный герб и предания о Шотландском предке Георге Лермонте, получившем Острожниково за свою верную службу Российскому государю Михаилу Романову. До 1799 года в Острожниково Павел Петрович жил вместе с семьей своего старшего брата Николая Петровича Лермонтова. Николай Петрович к тому времени был отставной капитан-лейтенант, принимавший активное участие в общественной жизни Чухломского уезда: земский исправник в 1794-1797 годах, а потом бессменный предводитель дворянства

Чухломского уезда на протяжении пятнадцати лет. В первый раз он женился около 1790 года на Елизавете Петровне из древнего и не бедного рода Тарбеевых. У них родились два сына Петр в 1791 и Михаил в 1792 годах. Но супруга прожила недолго, в 1793 году скончалась. И Николай Петрович женился второй раз на Марии Васильевне, дочери богатого чухломского помещика Перфирьева. За ней он получил великолепную усадьбу Ивановское, в 28 верстах от Чухломы на реке Виге. Вот с этих пор и пошли дела у Николаевича Петровича в гору. Он занялся винными откупами и жена всячески ему способствовала. Винные откупа дали Николаю Петровичу богатство и огромное число влиятельных знакомств, как в своё время Столыпинам. В 1796 году у Николая Петровича родился сын Владимир. А в 1799 году я женился на Олимпиаде Степановне Борноволокной, тоже из наших галичских помещиков. Усадьба Острожниково стала тесна для двух семей и брат Николай Петрович Лермонтов с семьёй перебрался в Ивановское. Все его последующие дети родились в Ивановском. Всего у Николая Петровича было 10 сыновей и две дочери. Все они сделали отличную карьеру, а некоторые просто блестящую и остались жить в Петербурге:

Петр Николаевич Лермонтов (1791-1843)

Михаил Николаевич Лермонтов (1792-1866)

Владимир Николаевич (1796-1872),

Василий Николаевич (ок. 1801-1862)

Дмитрий Николаевич (1802-1854)

Елизавета Николаевна 1803-1875,

замужем за Сумароковым Федором Абрамовичем

Александр Николаевич (1806-1855)

Иван Николаевич (1810-после 1873)

Всеволод Николаевич (1812-1877)

Григорий Николаевич (1814-1872)

Петр Николаевич Лермонтов после окончания Морского Кадетского корпуса служил на Балтийском флоте. Участвовал в Отечественной войне 1812 года. В 1818 году ушел в отставку капитан-лейтенантом и жил то в усадьбе Давыдовское Чухломского уезда, то в Леняково, Буйского уезда. Леняково получил за женой Прасковьей Степановной Кафтыревой. В 1833-1839 был предводителем дворянства в Чухломском уезде. Скончался он относительно рано в 1843 году.

Второй сын - Михаил Николаевич Лермонтов стал легендарной фигурой своего времени.

Михаил Николаевич Лермонтов (1792-1866)

Как многие костромичи, он поступил в Морской Кадетский корпус в возрасте 14-ти лет. Свое боевое крещение он получил в 1808 г. еще будучи гардемаринном в войне со Швецией и Англией. В 16 лет Михаил Лермонтов получил знак отличия Военного ордена Святого Георгия. В 1809 г. он становится мичманом. В 1811 г. зачисляется на службу в Гвардейский Флотский экипаж.

Во время войны 1812 года в числе четырнадцати офицеров и четырехсот рядовых гвардейского экипажа был послан в распоряжение Первой запасной армии генерала Барклая де Толли. В ходе Отечественной войны экипаж участвовал в работах по укреплению военных лагерей, устройству мостов, минировал и уничтожал взрывами переправы. Часто роты Гвардейского флотского экипажа работали вместе с понтонными и пионерными ротами. В Отечественную войну 1812 г. Михаил Николаевич участвует в боях за Смоленск, в Бородинском сражении. Это Михаил Николаевич Лермонтов по заданию М.И. Кутузова со своими моряками-гвардейцами в ожесточенном бою сжёг мост через реку Колочу, предотвратив переброску войск неприятеля в обход русских позиций. За Бородино Михаил Николаевич был награжден орденом Св. Анны III степени. В знаменитом сражении при Кульме, которое стало переломным моментом в войне с Наполеоном, Михаил Николаевич проявил чудеса храбрости и был награжден орденом Св. Владимира 4-

ой степени и Кульмским крестом, но был тяжело ранен. Однако в 1813 году он был снова в строю. Михаил Николаевич доблестно сражался под Лейпцигом и вместе с победоносными русскими войсками вошел в Париж. За военные действия в 1812-1814 годах Гвардейскому флотскому экипажу было пожаловано Георгиевское знамя с надписью "За оказанные подвиги в сражении 17 августа 1813 г. при Кульме".

Михаил Николаевич Лермонтов впоследствии участвовал в войне с Турцией на Черном море, за отличие в сражении под Варной 2 октября 1828 года произведен в капитаны второго ранга, а в 1829 г. назначен командиром Флотского Образцового экипажа.

С февраля 1829 года главнокомандующим русской армией на Балканском театре военных действий становится маршал Иван Иванович Дибич. Эта война России против Турции вознесла его на самую вершину полководческой славы. Вместе с Дибичем в этой компании доблестно сражаются полковник Михаил Николаевич Лермонтов и его братья- гвардейский поручик Александр Лермонтов, морские офицеры Дмитрий и Василий Лермонтовы.

В 1831 году будучи произведен в капитаны первого ранга, Михаил Николаевич получил под свою команду линейный корабль «Кацбах». На этом линкоре он совершает плавание из Кронштадта в Либаву и назначается на пост командира Либавского порта и военным губернатором. В 1832 году Михаил Николаевич получает пост вице - директора Инспекторского департамента Главного морского штаба и за 18 компаний, совершенных на море, награждается орденом Георгия Победоносца IV степени. В 1837 году он уже контр-адмирал и кавалер ордена Станислава II степени. А в 1839 году получает тот же орден, но уже I степени. Да, поистине головокружительная карьера и, кажется, нет российских наград, которые он не получил бы. К Михаилу Николаевичу благоволил государь Александр I, да и с нынешним царем Николаем Павловичем у него установились доверительные отношения, когда еще тот был Великим князем. Недаром его назначили после 14 декабря 1825 года председателем специальной комиссии, которой было поручено расследование участия всех офицеров гвардейского экипажа в деле декабрьского восстания. Вот тут и оказалась полезной помощь Михаила Николаевича и помощь нашего дальнего родственника Сергея Павловича Шипова, сенатора, генерала от инфантерии и генерал-адъютанта, командующего лейб-гвардии Семеновского полка, принимавшего участие в подавлении восстания на сенатской площади. Император Николай Павлович только вступил на престол и нуждался в надежных помощниках в таком деликатном, огромной государственной важности деле, как расследование восстания декабристов. Случилось так, что младший брат Михаила Николаевича – Дмитрий Николаевич Лермонтов, 14 декабря 1825 года вышел из казармы гвардейского экипажа вместе со своей ротой на Сенатскую площадь, но увидев как развернулись

события, ушел с площади домой. В тот же вечер Дмитрий Николаевич был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость, из которой вскоре бы переведен в Семеновскую больницу, где и содержался под караулом вплоть до окончания следствия по делу о событиях 14 декабря, т.е. до 15 июня 1826 года, и был освобожден без каких-либо последствий, а потом продолжал службу, так что этот арест и заключение в течение полугода никак не отразились на его последующей службе. По тем временам перевод узника из крепости в лазарет противоречил всем установленным правилам Петропавловки. И ни один из содержащихся в крепости участников событий 14 декабря такими льготами не пользовался, несмотря на то, что многие из них были больны и нуждались в больничном режиме. На следствие ни один из офицеров флотского экипажа -участников декабрьского восстания, не дал показаний против Дмитрия Лермонтова, хотя на самом деле утром в день восстания они собирались на квартире лейтенанта А. Арбузова, в том числе и Дмитрий Лермонтов, и решили «не давать присяги Николаю». Дмитрий Лермонтов также присоединился к этому решению.

Михаил Николаевич потом нам рассказывал сколько хлопот и опасности пришлось ему и Сергею Павловичу Шипову пережить, чтобы выгородить двадцатитрехлетнего брата Дмитрия Николаевича и спасти от ссылки, как это произошло со всеми другими гвардейцами, участвовавшими в выступлениях на Сенатской площади. Опасность была велика, если бы донесли государю, что выбранные им помощники сами замешаны в укрывательстве офицера, участвовавшего в восстании. Ну, да Бог миловал и всё устроилось совершенно без последствий. Вот каков был авторитет Михаила Николаевича Лермонтова во флотском гвардейском экипаже и перед императором Николаем Павловичем.

Михаил Николаевич в 1810 году женился на Эмилии Федоровне, урожденной баронессе фон Стюарт. Бароны Стюарты служили России со времен Петра Великого. Брат Эмилии Федоровны преподает в Институте корпуса инженеров путей сообщения, там же где служит и Владимир Николаевич Лермонтов. Михаил Николаевич и Эмилия Федоровна имеют дом в Петербурге и у них четверо детей. За заслуги перед отечеством Михаил Николаевич удостоен высшим дворянским достоинством, что позволяет его детям и последующим потомкам учиться в Пажеском корпусе, а также иметь возможность бесплатно учиться в Морском Кадетском корпусе (см. Юрий Григорьевич Лермонтов: 1910-2005).

А Дмитрий Николаевич дослужился до генерал-майора от адмиралтейства, сейчас он член Кораблестроительного департамента Морского министерства. Тоже имеет дом в столице и женат на богатой

даме - Александре Ивановне, урожденной Антроповой, дочке купца 1-ой гильдии. У них уже шестеро детей и дай Бог ещё будут.

Дмитрий Николаевич Лермонтов (1802-1854).

Знатные у меня племянники, с гордостью отметил Павел Петрович. Было заметно по его оживленному и довольному лицу, что ему приятно рассказывать о своих геройских и влиятельных племянниках. Живущих ныне в столице. Но рассказ на этом не закончился, ведь было еще несколько детей у его брата и хотелось узнать и их истории.

Владимир Николаевич детские годы провел в Острожниково. Когда началась Отечественная война, его старшие братья Петр и Михаил уже были на офицерами и участвовали в войне. Володе было только 16 лет и Николай Петрович Лермонтов был категорически против вступления сына в ополчение. Но Володя отличался поразительным упрямством и настойчивостью. Поэтому когда наш сосед и дальний родственник Федор Михайлович Свободский, командир Тульского пехотного полка, залечивал ранение, пребывая в своем поместье, Владимир упросил отца разрешить ему отправиться в полк вместе с Федором Михайловичем. Николай Петрович не смог устоять перед напором сына и в 1813 году Владимир получил боевое крещение в битве под Дрезденом, в которой участвовал и его брат Михаил Николаевич. В последствии он принял участие в боях за 16 городов и селений в Германии и во Франции. Был удостоен высоких наград. В 1824 году в чине полковника и в возрасте 27 лет он уходит в отставку «за ранами». Николай Петрович приобрел сыну имение Мишково недалеко от Ивановского, там же на реке Виге, с большим господским домом. Но жизнь провинциального помещика

Владимира Николаевича не прельщала. В возрасте 30 лет, вернувшись в Петербург, он продолжил свое образование в Главном военно-инженерном училище, оно в Михайловском замке квартируется. Через пять лет закончил образование и вышел из училища в чине генерал-майора.

Владимир Николаевич Лермонтов (1796-1872).

Теперь живет в Петербурге. Один дом у них на Торговой улице, и ещё три, там же в Петербурге. Большим человеком стал Владимир Николаевич, строил Царскосельскую железную дорогу. Это новшество всем очень нравится - быстро и с ветерком, да и о лошадях нет заботы, знай плати себе денежки. Сейчас он преподает в Институт корпуса инженеров путей сообщения, занят в основном воспитанием младших учащихся. Строг, говорят, до невозможности. Кадеты даже прозвище ему дали «лимонная рожа», обидное, конечно, но его это не трогает, т.к. от правил своих никогда не отступится. Однако о каком бы то ни было телесном наказании или битье по щекам и по телу: не было и помину. Владимир Николаевич иногда приезжает в своё костромское имение Мишково, так что мы имеем возможность и поговорить и дела обсудить столичные. В большом почете он у графа Петра Андреевича Клейнмихеля, не иначе как в должность к нему звать будут.

Первая жена Прасковья Федоровна, урожденная Вишневская, красавица была из дворян. Сестра её Вера Гавриловна Вишневская замужем за князем Долгоруковым Михаилом Михайловичем, они живут недалеко от Петербурга в родовом имении Вишневских в селе

Фарбованном. Прасковья Гавриловна хорошая была женщина, но здоровье – слабое, поэтому и скончалась она в 1833 году. Владимир Николаевич женился второй раз на Елизавете Николаевне, урожденной Дубенской. Отец её Николай Порфирьевич Дубенский был симбирским и воронежским губернатором, а потом сенатором, действительным тайным советником, управляющим департаментом государственного имущества в Петербурге. Их родственник Дмитрий Никитович Дубенский преподавал словесность в Московском благородном пансионе и знал нашу великую эпическую поэму «Слово о полку Игореве», можно сказать досконально. Встречал я его у Владимира Николаевича. Запомнился он мне тем, что рассказывал об ученике своем Михаиле Лермантове. Тот, якобы, изучил свою родословную и стал утверждать, что Лермантовы надо писать через «о» - Лермонтовы. Так Владимир Николаевич гневно возражал, что мол мало ли что вздумает этот мальчик. Я воевал с этой фамилией, с ней буду жить и дальше. Так и пишет – Лермантов.

Василий, Александр, Иван, Всеволод и Григорий – все братья пошли по военной карьере. Отец определил их во 2-ой кадетский корпус. Так и служили они потом вместе в лейб-гвардии Егерском полку, прошли Турецкую войну. Живут теперь в Петербурге.

Василий Николаевич Лермонтов ещё до 30 лет получил чин полковника и ушел в отставку, теперь уже - надворный советник. Василий Николаевич пошел по стопам отца и очень разбогател на винных откупах. Его жена Вера Васильевна, урожденная Слещова, - внучка вице-адмирала Мартыана Яковлевича Сипягина и племянница генерал-адъютанта Николая Мартимьяновича Сипягина, того, что был военным губернатором в Тифлисе. Николай Мартимьянович прекрасных был качеств: образованный, энергичный, обладал замечательным даром слова, с подчиненными своими обращался чрезвычайно ласково, но в отношении к старшим вел себя с холодной вежливостью. Гибкий и образованный ум его не знал покоя: везде находил он пищу деятельности своей. Новые предположения, преобразовать, улучшения беспрестанно роились в его голове. Где ни служил Сипягин, он всюду заводил библиотеки, типографии, Ланкастерские школы, собирал юнкеров и подпрапорщиков для занятий, стараясь внушить им любовь к науке. Одаренный чувством изящного, он любил живопись и хотел казаться знатоком в картинах, зато музыкального слуха вовсе не имел, хотя и уверял в своей страсти к музыке. Поэзия составляла истинное наслаждение Николая Мартимьяновича. Он знал наизусть множество стихов и прекрасно читал их. Умер он нелепо: простудился и через несколько недель его не стало, а ведь совсем молодой был – 42 года. Племянница его Вера Васильевна, жена Василия Николаевича Лермонтова, тоже женщина

редкостного характером. Вместе с Василием Николаевичем они так свои дома в Петербурге обустроили, да украсили, что все знакомые диву даются. А ведь у них три дома, денег огромных требуют, но каждый как картинка. Часть книг и картин, наверное, Вере Васильевне от дяди досталось. Да и Ивановское они содержат в образцовом порядке. В доме кованная лестница, дубовый паркет, выточенные колонны с золотыми покрытиями. И библиотека такая, что и петербургские знакомые позавидуют. Люблю там иногда посидеть, тихо и книги такие увлекательные: про войну и победы наши. В саду оранжерея, только роз более 100 кустов, пруды. Советую Вам навестить их, если время будет.

Думаю я, что где-то в году 1824 Иван Николаевич Лермонтов случайно встречал в Павловском кадетском корпусе, что в Гатчине, того самого Михаила Юрьевича Лермонтова, который хотел поменять правописание нашей фамилии и который был младше нашего Ивана года на четыре и приезжал в гости к генералу Арсеньеву с бабушкой. Их познакомили, но они не подружились тогда. Потом году в 1833 этот Михаи Лермонтов писал Ивану Николаевичу и просил прислать печатку с нашим фамильным Лермонтовским гербом. Иван Николаевич не стал уточнять, из какого он Лермонтовского рода, а просто уважил просьбу родственника.

Мне кажется вы как-то погрустнели при упоминании этого Михаила Лермонтова. Что-то случилось с ним нехорошее?

Александр Андреевич не знал как толком и ответить. Слишком многое надо было объяснить, поэтому ограничился простой фразой, мол умер Михаил Юрьевич при трагических обстоятельствах. Павел Петрович долго сетовал, что такой молодой, всего 26 лет, мог бы пожить, да и почитать было бы интересно, о чем он писал. Все-таки – родственник.

Рассказ Павла Петровича о своих высокопоставленных племянниках Лермонтовых, живущих в Петербурге, усугубил и без того грустные мысли Александра Андреевича Катенина о погибшем поэте. Становилось понятно, что все его родственники по линии Лермонтовых не знали или знали, но не могли вмешаться в ситуацию сложившуюся вокруг поэта. Получалось, что сам Александр Андреевич, Михаил Николаевич и Владимир Николаевич Лермонтовы, люди близкие не просто ко двору, но к Императору и к людям находящимся в ближайшем окружении Николая Павловича, оказались изолированными от событий, связанных с их родственником Михаилом Юрьевичем. А ведь им приходилось неоднократно влиять на ситуацию на самом высоком уровне, чтобы вызволить своих родных из крайне опасных инцидентов.

Возвратившись в Петербург Александр Андреевич Катенин постарался подробнее разузнать обстоятельства изолированности Михаила Юрьевича от своих родных по линии Лермонтовых, а также обстоятельства его второй ссылки на Кавказ в 1840 году после дуэли с сыном французского посланника Эрнестом Барантом.

Окончательное отдаление Лермонтовых из усадьбы Измайлово от остальных костромских сородичей произошло еще во времена деда поэта – Петра Юрьевича Лермонтова в 1790 годах. По причинам не вполне понятным Петр Юрьевич продал все свои обширные земли в Чухломском и Галичском уездах и купил усадьбу Кропотово (Любашевка или Каменский верх) в Ефремовском уезде Тульской губернии. Имение было довольно большим (1150 десятин земли и около 350 крепостных), но доходы приносило скромные, а в семье было шестеро детей. Лермонтовы считались бедными помещиками. Отец поэта – Юрий Петрович, познакомился с матерью поэта – Марией Михайловной Арсеньевой в гостях у общих знакомых Арсеньевых, родственников бабушки поэта - Елизаветы Алексеевны Арсеньевой, в девичестве Столыпной. Брак Юрия Петровича и Марии Михайловны был по любви, но недолгий и несчастливый. Марии Михайловна вскоре после рождения сына Михаила заболела и умерла, когда Мише было 2 года и четыре месяца. Богатая и своенравная бабушка Елизавета Алексеевна была вдовой. Её отношения с отцом Михаила Юрьевича не заладились с самого начала, т.к. она твердо считала, что бедный помещик Юрий Петрович не пара для её единственной дочери. После смерти дочери внук стал для нее единственной усладой и она, невзирая на законные отцовские чувства и права на сына, приложила все усилия, чтобы удалить сына от отца. Основным аргументом Елизаветы Алексеевны против Юрия Петровича было её богатство. Елизавета Алексеевна смогла убедить отца Миши, что только она сможет дать достойное образование внуку и что внук будет её единственной отрадой на старости лет. По началу не шло речи о полной изоляции Миши от отца и его Лермонтовских родственников. Но обстоятельства сложились так, что в июле 1817 года Елизавета Алексеевна написала завещание, поистине коварное, согласно которому после её смерти Михаил Юрьевич мог получить наследство только в том случае, если он будет находиться при ней до его совершеннолетия и без какого-либо препятствия со стороны отца и его ближайших родственников Лермонтовых. Более того ни отец, ни Лермонтовы не имели права требовать, т.е. брать к себе на какое-то длительное время, внука Елизаветы Алексеевны, а та в свою очередь обещала сохранять почтение к чести и фамилии отца. Однако в случае своей смерти Елизавета Алексеевна назначала попечителями Миши сначала своих братьев, а в случае смерти последних – Григория Даниловича

Столыпина, а именно мужа своей сестры и однофамильца Столыпиных, в сущности чужого Мише Лермонтову человека. Юрий Петрович пошел на такое унижение только из-за желания обеспечить материальное будущее сына.

Так Михаил Юрьевич лишился поддержки, моральной и духовной, всех своих Лермонтовских родных.

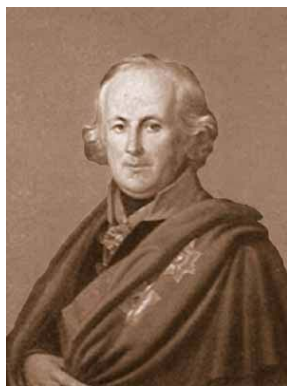
Елизавета Алексеевна соблюдала материальные условия этого договора, но всячески старалась унижить и очернить отца и его родню в глазах внука, что, конечно, не делает ей чести. Михаил Юрьевич плохо знал близких родственников отца и тем более практически не знал о существовании заслуженных, богатых, влиятельных и многочисленных дальних родственников Лермонтовых и их родных, проживающих в Петербурге в то же время, когда он там пребывал в 1832-1837 и 1838-1841 годах.

Высылку Михаила Лермонтова за нашумевшие стихи на смерть Александра Сергеевича Пушкина удалось сократить до полугода благодаря влиятельным связям бабушки. В свете знали, что сам Александр Христофорович Бенкендорф - глава Третьего отделения Собственной его Императорского Величества канцелярии, просившей за Лермонтова перед государем, не был знаком лично с Михаилом Лермонтовым. Но Бенкендорф знал бабушку и, будучи человеком отзывчивым, уважал её любовь и заботу о внуке. Да, и как он мог оставить без внимания ходатайства своего заместителя Александра Николаевича Мордвинова и своего любимца начальника штаба корпуса жандармов Леонтия Васильевича Дубельта. Ведь именно благодаря дальнему родству с ними Елизавета Алексеевна могла хлопотать о своем внуке в 1837 году.

Родовые связи Столыпиных в девятнадцатом веке.

Александрю Андреевичу Катенину потребовалось немало времени, чтобы разобраться в хитросплетениях родственных отношений Столыпиных. Оказалось, что брат бабушки Лермонтова – Аркадий Алексеевич Столыпин, был женат на дочери Николая Семеновича Мордвинова (1754 – 1845, граф и государственный деятель).

Николай Семеновича Мордвинов (1754 – 1845, граф и государственный деятель).

Личность Николая Семеновича была не просто известна в аристократических кругах, а, можно сказать, знаменита. Николай Семенович Мордвинов служил отечеству при царице Екатерине II и

трех последующих царях: Павле Петровиче, Александре Павловиче и Николае Павловиче. Его уважение и авторитет в обществе были огромны. Значение Николая Семеновича Мордвинова в правительственных сферах вновь увеличилось с возвышением Михаила Михайловича Сперанского, с которым его сблизила общность взглядов по многим вопросам, и которому он помогал в составлении плана новой системы финансов. Ссылка Сперанского на время пошатнула положение Мордвинова: он вышел в отставку и уехал в Пензу. В 1813 году Мордвинов вернулся в Петербург, но прежнее место занял только в 1816 году. Выйдя через два года вновь в отставку, он два года пробыл за границей. По возвращении вскоре был назначен председателем департамента гражданских и духовных дел государственного совета; вместе с тем, он был членом финансового комитета и комитета министров, и эти должности сохранял за собой и в царствование императора Николая I. В 1823 году он был избран председателем вольного экономического общества и сохранял это звание до 1840 года. Адмирал Н. С. Мордвинов был единственным человеком, кто возражал против смертного приговора “государственным преступникам” после событий 14 декабря 1825 года. В связи с этим у него были довольно натянутые отношения с императором Николаем I. Дальний родственник Николая Семеновича Мордвинова - Александр Николаевич Мордвинов, тайный советник, с 1831 по 1839 год был заместителем Александра Христофоровича Бенкендорфа - главы III отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Фактически родственные отношения бабушки Лермонтова с Александром Николаевичем Мордвиновым можно охарактеризовать, как «пятая вода на киселе». Не более близок в родственном отношении к семье Солыпиных был и Леонтий Васильевич Дубельт. У того же известного адмирала Николая Семеновича Мордвинова была сестра – Елизавета Семеновна Мордвинова. Она второй раз вышла замуж за Перского. У них была дочь Анна Николаевна. Вот на этой милойшей Анне Николаевне и был женат Леонтий Васильевич Дубельт. Произнести, а тем более запомнить, родство Михаила Юрьевича Лермонтова с Дубельтом практически невозможно: муж дочери сестры свекра брата бабушки Михаила Юрьевича. Заковыристо. В обществе было принято считать, что они свояки. Вот так бабушка! Сумела воспользоваться почти несуществующим родством, чтобы убедить свет, что чрезвычайно влиятельные государственные люди: Мордвинов и Дубельт её «близкие» родственники. Вообще в семье Столыпиных, а в основном со Столыпинскими, а не с Асреньевскими родственниками поддерживала тесные связи Елизавета Алексеевна, было принято заводить всякое полезное родство, а потом тщательно его поддерживать и лелеять. Черта, конечно, в практическом отношении крайне полезная, в чем можно было неоднократно убедиться по ловким и настойчивым действиям Елизаветы Алексеевны.

Михаил Юрьевич также знал о наличии своих многочисленных Столыпинских родственников и свояков в высших Петербургских кругах. По-видимому, для удобства общения или просто не вдаваясь в подробности, он их просто называл кузинами, кузенами, дядюшками, тетушками, свояками.

По рассказам многих очевидцев в феврале 1840 года разыгралась очередная трагедия. Михаил Юрьевич был вызван на дуэль Эрнестом де Барантом - сыном французского посланника де Баранта. Поводом и даже не причиной была женщина – светская львица, за которой якобы оба пытались ухаживать. Результатом их весьма дерзких препирательств была дуэль. При этом, по словам друзей Лермонтова, поэт уже после вызова на дуэль едко заметил, что презирает этих искателей приключений и, что эти Дантесы и де Баранты заносчивые сукины дети. В обществе даже ходили слухи, что дуэль была просто спровоцирована, якобы, как из-за недовольства царя французским послом, так и Лермонтовым, с его свободолюбивыми пристрастиями. Сама дуэль по существу закончилась примирением противников, оба остались живы и даже пожали друг другу руки. Но дальнейшие события последовали как сель, сметая на своем пути уязвимые объекты. Именно таким объектом и оказался Михаил Лермонтов. Уже 10 марта того же года его арестовали и посадили в ордонанс-гауз, не сочтя его объяснения дуэли удовлетворительными. Однако его секундант и дядя, а именно сын брата бабушки Аркадия Алексеевича Столыпина (последний скончался в 1825 году), Алексей Столыпин, по прозвищу Монго, оставался на свободе. К этому времени в III Отделении Собственной Его Величества канцелярии произошли кадровые изменения. Александр Николаевич Мордвинов был уволен со службы в 1839 году за то, что пропустил в печать публикацию портрета А.А. Бестужева – по мнению царя государственного преступника. И место заместителя графа Александра Христофоровича Бенкендорфа занял генерал-майор Леонтий Васильевич Дубельт. Таким образом, в III Отделении остался один влиятельный дальний родственник Столыпина, а не два, как было в 1837 году. Кроме того уже распространились слухи, что сам Бенкендорф, ранее благоволивший к поэту, теперь крайне раздражен против Лермонтова.

У Лермонтова была ещё одна надежда на спасение - влиятельный дальний Столыпинский родственник Алексей Илларионович Философов, генерал от артиллерии, бывший адъютант, генерал - фельдцейхмейстера великого князя Михаила Павловича, а теперь воспитатель великих князей Николая и Михаила Николаевичей. Алексей Илларионович Философов был женат на Анне Григорьевне, дочери сестры бабушки Лермонтова – Натальи Алексеевны Столыпина и её мужа Григория Даниловича Столыпина, таким

образом приходился Лермонтову двоюродным дядей. Алексей Илларионович слыл поклонником искусства и живописи. Елизавета Алексеевна всегда старалась поддержать интерес Философова к своему внуку и посылала ему стихи и живописные произведения Мишеля. Философов был частым гостем в семьях Столыпиных и их родственников и лично знал Мишеля Лермонтова. Более того он рассказывал о талантах своего племянника в царской семье. В середине апреля Лермонтов написал просительное письмо Алексею Илларионовичу, умоляя Философова в покровительстве и ходатайстве о его деле, как человека, который только и может ему помочь. Лермонтов знал, что бабушка слегла и просил помощи, чтобы его отпустили с гауптвахты хотя бы на один день, чтобы навестить бабушку. Но и эти хлопоты не увенчались успехом.

В обстоятельствах дуэли Лермонтова с де Барантом Алексей Монго-Столыпин проявил себя исключительно благородно и сам обратился к Дубельту, которому также приходился свояком и более близким по родству, чем Лермонтов, с просьбой принять его заявление об участии в дуэли. Но Дубельт проигнорировал просьбу Монго-Столыпина. И тогда Алексей Столыпин обратился непосредственно к Бенкендорфу с письмом, разъясняющим свое участие в дуэли и её мирное разрешение. Тем не менее неприязнь к Лермонтову многих персон из высших аристократических кругов росла. Некоторые, особенно разгневанные независимыми манерами поэта, едко высказывались, что Лермонтов по рождению не принадлежал к квинтэссенции петербургского общества, а просто просочился в него. Однако друзья, поклонники его таланта и литераторы часто навещали арестованного поэта. Бабушка продолжала свои хлопоты по освобождению внука через влиятельных знакомых, хотя сама в это время сильно болела, и казалось дело идет на лад и может окончиться недурно для Мишеля. Теперь Лермонтов находился в арсенальской гауптвахте. Вот здесь и произошло его второе столкновение с де Барантом. Эрнест де Барант был рассержен бродившими по Петербургу слухами, что Лермонтов его пожалел и стрелял в воздух. Де Барант официально считался отбывшим из России и поэтому он тайно явился на арсенальскую гауптвахту, требуя от Лермонтова разъяснений. Лермонтов, также секретно, благодаря содействию друзей, и нарушая дисциплину, встретился с де Барантом. Михаил Юрьевич не отрицал своих показаний и объяснил, что, во-первых, он не собирается скрывать правды, а во-вторых, эта правда ему на пользу. Казалось де Барант был удовлетворен. Однако свидание с де Барантом дошло до начальства и рассматривалось как побег Лермонтова из-под ареста и обман. Лермонтова судили военным судом и 5 апреля 1840 года и приговорили к лишению чинов и прав состояния, а также к записыванию в рядовые. Смягчению этого наказания Лермонтов был обязан великому князю Михаилу Павловичу. Бенкендорф же проявил холодность к прошениям Елизаветы

Алексеевны. Государь Николай Павлович подписывая конфирмацию приговора написал своей рукой, что поручик Лермонтов должен быть переведен в Тенгинский пехотный полк в том же чине, а поручик Столыпин освобождался от ответственности с рекомендацией, что в его звании и летах полезно служить, а не быть праздным. Отправка Лермонтова в полк на Кавказ несколько задержалась и тогда Бенкендорф, недовольный слишком легким наказанием, потребовал от Лермонтова написать де Баранту письмо, в котором бы он просил извинения в том, что несправедливо показал в суде, что выстрелил в воздух. Лермонтов отказался писать такое письмо и обратился с прошением к великому князю Михаилу Павловичу защитить его от несправедливых требований. Высочайшей резолюции на это письмо не последовало, но Бенкендорф отказался от своих требований, оскорбительных для Лермонтова. По-видимому, великий князь в устной форме высказал мнение о необходимости защитить честь русского офицера и Лермонтов избежал опасности утратить честное имя.

В первых числах мая Лермонтов отправляется на Кавказ, по дороге посетив друзей и литераторов в Москве. А 25 мая 1840 года он уже был на Кавказе. По отзывам военного командования на Кавказе Лермонтов проявил себя, как исключительно храбрый и квалифицированный офицер. Его друзья говорили, что в походе Лермонтов был совсем другим человеком против того, чем казался в крепости, или на водах, при скуке и безделье. Лермонтова ни один раз представляли к наградам, но все они были отклонены высочайшей властью. Уже в июле 1840 года в письме к бабушке Елизавете Алексеевне Лермонтов писал, что хотел бы уйти в отставку. А в декабре 1840 года в полку разнеслись слухи, что Арсеньева подала на высочайшее имя трогательное прошение о помиловании ее внука Лермонтова и об обратном его переводе в гвардию. Оптимистически настроенные офицеры считали, что Арсеньева женщина энергичная и готовая на всякие жертвования для достижения своей цели может набрать себе массу сильнейших заступников. Другая более пессимистическая часть общества возражала, что вторичная высылка Лермонтова, при переводе теперь уже не в прежний Нижегородский драгунский, а в какой-то пехотный полк, находящийся в отдаленнейшем и опаснейшем пункте военной диспозиции на Кавказе, явно свидетельствует о гневе государственной власти по отношению к Лермонтову. Они также полагали, что государь император считает второй проступок Лермонтова гораздо предосудительнее первого, более того Лермонтов имел дуэль с сыном французского посла, поэтому здесь замешаны политические отношения с другой державой. В силу этих обстоятельств пессимисты сильно сомневались, что Лермонтов может быть помилован и возвращен в гвардию. И действительно, в результате хлопот Елизаветы Алексеевны, её

родственников и знакомых в 1840 году, Лермонтов получил только двухмесячный отпуск. Он появился в Петербурге в начале февраля 1841 года, к масленице. К этому времени Лермонтову всего более хотелось уйти в отставку и предаться литературной деятельности. Он мечтал о создании нового литературного журнала, говорил об этом с Краевским, т.к. не одобрял направления «Отечественных записок». Ему хотелось создать журнал, в котором будут печататься произведения русских литераторов, а не переводы. Особенно близкое знакомство он свел с просвещенной графиней Е.П. Ростопчиной. Однако высший свет, в целом принявший его доброжелательно, не всегда был к Лермонтову милостив. Его появление на балах часто вызывало недоумение. Он и сам знал об этом, поэтому всё чаще повторял, что, хотя бабушка и просила о прощении, но ему дали отпуск, а о том, чтобы уйти в отставку, кажется, не было и речи. Реакция Михаила Юрьевича на пришедшее распоряжение о его высылке из Петербурга в 48 часов в начале мая 1841 года была отчаянной. Распоряжение поступило от генерал-адъютанта графа Петра Андреевича Клейнмихеля, который с 1835 г. был в должности управляющего департаментом военных поселений. Петр Андреевич Клейнмихель был в 1826 году членом комиссии по составлению устава пехотной службы, а в 1838 г. ему поручена была перестройка Зимнего дворца после пожара, что он и исполнил с замечательной быстротой. С тех пор он фактически стал управляющим по строительству казенных зданий в Петербурге. Генерал-адъютант Клейнмихель пользовался особым доверием и расположением государя императора Николая Павловича. Елизавета Алексеевна, была нездорова, но продолжала упорные ходатайства о продлении пребывания внука в Петербурге. Ей удалось задержать отъезд Лермонтова на Кавказ до начала мая, буквально на неделю. В первых числах мая Михаил Лермонтов и Алексей Столыпин уже в Москве, навещают своих друзей, знакомых литераторов, ходят в театры. Эти последние пять дней в Москве Лермонтов был счастлив, но грустен. Посещая Москву в последний раз, он мечтал о том, что если бы ему дали отставку, то он поселился бы здесь навсегда и занялся писательством, а литературных проектов у него было в избытке. Но уже тогда он понимал, что этому быть не суждено и часто намекал на свою скорую смерть.

9 мая Лермонтов со Столыпиным прибыли в Ставрополь. В письмах к бабушке Лермонтов продолжает писать, что он надеется на прощение и, что вследствие этого ему выйдет отставка. Со своей стороны Елизавета Алексеевна посылает прошения на имя графа Клейнмихеля с нижайшими просьба перед ним и перед государем императором о прощении её внука. Всё напрасно, просьбы остаются без ответа.

Тем временем 23 мая Лермонтов со Столыпиным пребывают в Пятигорск. И 24 мая поступает рапорт пятигорского коменданта о болезни Лермонтова и ходатайство о разрешении ему пользоваться

минеральными водами в Пятигорске. Но уже 8 июня в Пятигорске получают приказ начальника штаба войск Кавказской линии и Черноморья пятигорскому коменданту - отправить Тенгинского пехотного полка поручика Лермонтова по назначению. А 13 июня Лермонтов, подает рапорт генерал-адъютанту Грабе, командующему войсками о том, что он отправляясь в отряд, заболел по дороге лихорадкой и получил разрешение от пятигорского коменданта остаться в Пятигорске впредь до излечения. Со стороны Лермонтова, а также Столыпина, это была уловка получить возможность пожить на местном курорте и побыть в привычной атмосфере светского общества, т.к. незадолго до этого Лермонтов писал в письме бабушке, что он здоров и спокоен, отправляется в Шуру, а оттуда на воды. Местное начальство было снисходительно к высланным офицерам и медицинские свидетельства о нездоровье они получали практически со слов жаловавшего, без тщательного медицинского осмотра. Пересылка прошений длилась несколько недель.

Трагедия случилась 15 июля. В 7 часов вечера у подножья горы Машук состоялась дуэль Лермонтова с Мартыновым. Лермонтов убит на месте.

Александр Андреевич Катенин даже не надеялся узнать так быстро и так много о судьбе поэта. Оказалось, что петербургский свет просто переполнен разными слухами и пересудами. За это время он прочитал много замечательных поэтических произведений поэта и был приятно удивлен его прозой. Катенина охватывало запоздалое раскаяние о том, что он так мало знал о деталях судьбы и блестящем литературном даровании своего близкого родственника. Оказалось, что пока Лермонтов подвергался перипетиям судьбы, его произведения регулярно печатались во многих известных журналах и особенно в «Отечественных записках», когда-то основанных его родственником Палом Петровичем Свиныным (1788 - 1839), сыном Екатерины Юрьевны, урожденной Лермонтовой, родной сестры деда Михаила Юрьевича Лермонтова.

Конечно, рассуждал Александр Андреевич Катенин, время не повернуть вспять и сослагательного наклонения не бывает в истории, но досада, жалость и даже отчаяние разрывало душу бывалого вояки, а теперь государственного человека. Возможно, Лермонтовской родне и не было надобности вмешиваться в события 1837 года. Елизавета Алексеевна и её родственники имели такую мощную поддержку в III отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии в лице графа Бенкендорфа, что не прошло и полгода и Мишель снова вернулся в Петербург. Но в 1840 и 1841 годах явно наметился какой-то перелом в отношении к прошениям бабушки и они либо оставались без внимания, либо были выполнены по минимуму, как бы просто из

вежливости. В сущности последним желанием Лермонтова было получение отставки и последующая литературная деятельность, которая подавала такие огромные надежды. Возможно, и великий князь Михаил Павлович и Клейнмихель были утомлены и раздражены бесконечными назойливыми прошениям старушки. А вот просьбы новых лиц с тем же именем, что и Лермонтов, и просьбы близких Лермонтовских родственников могли возыметь действие. Он ясно представил как мог бы удивиться свет, великий князь и даже государь император, если бы последовали отдельные прошения или совместное прошение о прощении поручика Лермонтова со стороны вице-адмирала Михаила Николаевича Лермонтова, генерал-майора Владимира Николаевича Лермонтова, полковника Всеволода Николаевича Лермонтова, полковника Ростислава Матвеевича Лермонтова, капитана Дмитрия Николаевича Лермонтова, надворного советника Василия Николаевича Лермонтова. Так это целая «гвардия» одних только Лермонтовых. Их заслуги перед отечеством трудно перечислить. Все участники Отечественной войны с французами, участники польской компании, турецкой компании, каждый имеет по несколько наград, вплоть до самых высоких. К ним могли бы присоединится генерал-лейтенант Павел Яковлевич Куприянов, бабушкой которого было Павла Матвеевна Лермонтова. Павел Яковлевич, уже будучи в чине генерал-майора, отличился в войне с Турцией в 1828 году, находясь в отряде Александра Христофоровича Бенкендорфа, занял город Праводы. Старые совместные военные подвиги обычно не забываются, да и теперь Куприянов в большом почете. Катенин полагал, что граф Бенкендорф не отказал хотя бы принять к сведению его просьбу. Да, и ваш покорный слуга не последний человек в государстве.

Михаил Николаевич Лермонтов до сих пор не забыт государем императором, да и великий князь Михаил Павлович его знает. В 1825 году 15-го декабря великий князь Михаил Павлович сам отправился в казармы Гвардейскаго морскаго экипажа, где, как говорится в его формуляре, «арестовал виновных офицеров и привел лично весь батальон на Адмиралтейскую площадь, где всеми офицерами оно и нижними чинами торжественно, в присутствии большого стечения народа, принесена присяга государю императору». Но именно Михаила Николаевича Лермонтова назначили в комиссию по расследованию этого дела, с которым он, по мнению государя императора, успешно справился.

Генерал-майор Владимир Николаевич Лермонтов преподает, можно сказать, в любимом детище великого князя Михаила Павловича - Артиллерийском училище, близок к графу Клейнмихелю. Да, и я сам очень сблизился с великим князем Михаилом Павловичем во время польской компании 1831 года.

А ведь именно он, великий князь, оставался лояльным к поэту в эти решающие 1840 и 1841 годы и мог ещё прислушаться к нашим прошениям о помиловании поэта и просить государя позволить Михаилу Юрьевичу уйти в отставку.

Извечный русский вопрос: «Кто виноват?» мучил Александра Андреевича Катенина.

М. Ю. Лермонтов
на смертном одре.
Картина Р. К. Шведе.
Масло. 1841 г.

Использованная литература:

Андроников И.Л. «Лермонтов. Исследования и находки.», Изд-во «Худ. Литература», М., 1964.

Воронцов И. В. «Поколенная роспись рода Лермонтовых», М., 2004.

Вырыпаев П. А «Лермонтов. Новые материалы к биографии.», Саратов, Приволжское кн. изд-во, 1976.

Григорьев А. А. «Из истории Костромского дворянства», Кострома, 1993.

Гусляров Е. «Лермонтов в жизни», М., 2003.

Загорюлько В. И. «Лермонтовы», Санкт Петербург, 1998.

Автор представленного эссе

Татьяна Молчанова, канд. биол. наук –

Член ассоциации «Лермонтовское Наследие»

2008 год.